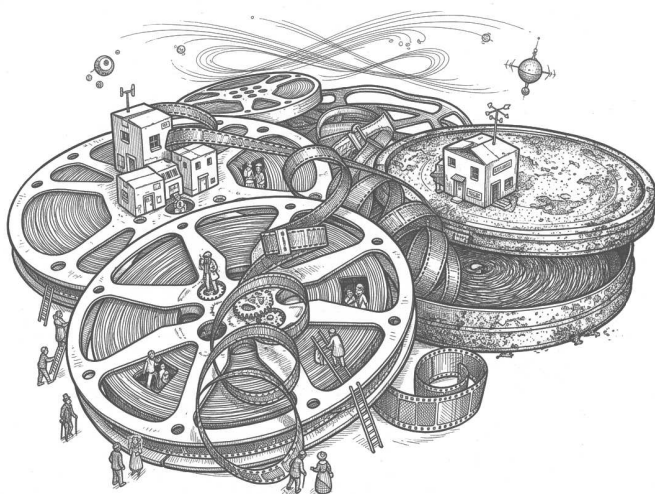

ДЕТИ ГАЛАКТИКИ

Андрей
ЛАЗАРЧУК

ОПОЗДАВШИЕ
к лету
ГИПЕРРОМАН

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л17

Иллюстрация на переплете *Ю. Пасынковой*

Иллюстрация на форзаце *тихобысть*

Иллюстрации в блоке *Е. Лукомской*

Лазарчук, Андрей Геннадьевич.
Л17 Опоздавшие к лету / Андрей Лазарчук. — Москва : Эксмо, 2026. —
720 с.

ISBN 978-5-04-214900-9

Искаженные сны о прошлом или видения будущего — это мир «Опоздавших к лету». История человеческих судеб на фоне грандиозных проектов и масштабных поражений, трагедия технического и общественного прогресса. Круги на воде, расходящиеся все дальше и дальше в пространстве и времени.

Загадочный аттракцион, привлечший внимание спецслужб. Сценарий кинофильма, где смешались ложь и правда. Удивительный симбиоз природы и современных технологий.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-214900-9

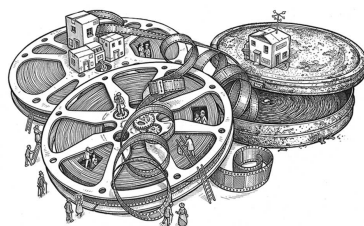
© Лазарчук А.Г., текст, 2026
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

МОСТ Ватерлоо

В этом странном и запутанном деле, которое зовется жизнью, бывают такие непонятные моменты и обстоятельства, когда вся вселенная представляется человеку одной большой злой шуткой, хотя что в этой шутке остроумного, он понимает весьма смутно и имеет более чем достаточно оснований подозревать, что осмеянным оказывается не кто иной, как он сам.

Г. Мелвилл

Пылинки в солнечном луче...
Дальняя комната освещена ярко, а здесь полумрак и прохлада.
Что-то хрустит под ногой, и льется из крана вода.

Дальняя комната вся завалена бумагой, весь пол в бумагах, смятых и не смятых...

Камерон стоит в двери и весь колыхается, как зной, как медуза, как желе на блюде, и кудри его золотой короной... Ворона Камерон. Ворона — рона — она — на! Пылинки в солнечном луче.

Петер!

Это кто-то зовет меня, но я не вижу никого, и только имя отдается в глубинах сердца моего, и только пятна световые ползут по стенам к потолку, и только воды низовые...

Вот именно. И только пить. Пить, есть и спать. Это все, что я могу, хочу и буду.

А женщину?

А, вот это кто. Это Брунгильда. Нет, Брунгильда, спасибо, но в другой раз. Сейчас на повестке дня совсем иные вопросы... Пылинки в солнечном луче...

А Летучий Хрен уже спрашивал про тебя, гудит Камерон, продолжая колыхаться на свету, расплываясь при этом в широченной улыбке, но уши-то у него все равно просвечивают багровым, и я ничего не могу с собой поделывать, я набираю воду в рот и опрыскиваю его уши. Уши шипят и брызгаются, Камерон недоволен, а я хохочу, потому что... Ворона Камерон докрасна раскаленными ушами доблестно прокладывает себе путь в сугробе, приближая час нашей решительной победы! Летучий Хрен? А хрен с ним! Что ты ему сказал? А надо было правду — приполз, мол, и брык! Готов.

Готов.

Шиш, ребята, рано вы меня списываете в «готов», рано, мы еще поюем, поборемся и помужествуем с ней, знаете, как это там делается? Думаешь, неделю не спал, я и еще неделю... Что? Ах, пылинки...

У тебя шнапс есть?

Это Камерон спрашивает Брунгильду, конечно, не меня же ему спрашивать, что? Молчу, молчу. Но я молчу, так красноречиво тая под взором ваших воспаленных глаз, вздымаемых высоко к небу блестящими во тьме звездами печали, бережно хранимой и возносимой к небесам без тени страха пред томленьем слиянья бешеного тела с душою нежною и кроткой... селедкой, водкой, сковородкой...

Это что, все мне?

Да что вы! Да нет, ребята, я же просто не смогу.. это все... ну хватит же... хва...

Дай ему по спине, пусть откашляется. Уже не надо.

...в топор — у-у-уп! Готов. Сплю.

...прикуп — прилипала — приличие — примадонна — примак — приманка — примат — пример — примерка — примета — примесь — примечание — примирение — примитив — примочка — принудилровка — принцесса — принятие — приоритет — припухлость — приспособление — прочее — прочее — прочее... Все на свете слова начинаются на «П», и хоть лопни — на «П», и на «П», и на «П» — и никуда от этих «П», — ну что ты будешь делать, обложили со всех сторон...

— Подъем! — Петера похлопали по плечу.

По периметру периастра поднимались перфорированные портики, по первости принятые паломниками-пломбировщиками...

— Вставай, скотина! — его тряхнули сильнее. — А то сейчас водой!

— Что? — Петер попытался сесть, не получилось, глаза тем более не открывались, но по команде «Подъем» следовало встать и одеться за сорок шесть секунд, потому что команда «Подъем» зря не дается...

— Вставай, соня, курорт окончен.

Это Камерон. Ну да, это Камерон, я же вернулся, вернулся и — ха-ха! — кое-что привез! Ну, да.

— Сколько времени?

— Семь вечера. И учти, что это уже завтрашний вечер.

— Как это?

— А так, что тебе дали поспать, — ну, ты и поспал.

— Сутки? — не поверил Петер.

— Тридцать один час. Абсолютный рекорд редакции.

— Врешь ведь.

— Чтоб я сдох! — поклялся Камерон. — Вчера пытались тебя будить, но ты заехал Летучему Хрену в нос, и он велел оставить тебя в покое. А сейчас позвонил и очень тебя хочет. Ночью бомбежка была — не слышал?

- Ничего я не слышал... А мой материал?
- Экстра! Ультра! Супериор! Он сам монтировал и был близок к оргазму, его просто успели вовремя отвлечь...
- Но я голоден!
- Он сказал, что все будет.

Летучий Хрен принял Петера с распростертыми объятиями. Это на памяти Петера еще никогда добром не кончалось. Всегда за этим следовало что-нибудь... м-м... экзотическое. А тут еще и тон разговора: и гениален-то у нас один Петер Милле, и потери в личном составе огромные, аж пять человек (двоих завалило при бомбежке, один стал заговариваться, и еще две машинистки не убереглись и забеременели), а учитывая, что задача под силу лишь подлинному таланту, так она грандиозна и значительна, тем более что через завесу секретности кое-что просачивается, и он, Летучий Хрен, глядишь, и плюнул бы на все и поехал сам, но — приказ есть приказ, он вынужден подчиняться... Петер сразу понял, что параша не избежать, поэтому сидел тихо, в ударных местах кивал и думал, как это все обернется с Брунгильдой, — а надо ли, чтобы оно как-то оборачивалось? — и не таких видали, — а жаль...

— Итак, — бодро продолжал Летучий Хрен, — группу будем формировать заново, потому что пополнение прибыло и следует пускать его в дело, а Варга твой уже оперился и ему пора давать работать самому, возьмешь двух новеньких, я их тебе покажу, и еще должен приехать какой-то из министерства пропаганды — будет старшим. Сам понимаешь, что старшим он будет только формально, потому что — ну что чиновник может смыслить в наших делах? Остальное ты знаешь все, готовься, послезавтра — адью!

— Я есть хочу, — сказал Петер.

— Тебя что, Камерон не накормил? Плохо. Бездельник. Ада! Ада! Где тебя черти носят? Накорми Милле, он у нас нынче герой. Ест он все и помногу, но ты придумай ему что-нибудь повкуснее, только чтобы не обожрался, он мне живой нужен...

Ада увела Петера в машбюро и там под стрекот десятка машинок соорудила ему гигантскую яичницу на сливочном масле. Пока Петер ел, она сидела напротив и, пригорюнясь, смотрела на него. Аде было под шестьдесят, но и в эти годы она оставалась машинисткой экстра-класса; ее подобрал где-то Камерон и пристроил в редакции в обход всех приказов и правил, никто не знает, как это ему удалось. Ада натаскивала девочек-машинисток, сама вкалывала наравне со всеми да еще умудрялась ка-

ким-то чудом обихаживать всех, до кого успевала дотянуться. Камерон его страшно гордился.

— Спасибо, Ада, — сказал Петер, подчищая сковороду корочкой хлеба.

— Что за несчастье, — сказала Ада и больше ничего не сказала, молча убрала со стола и молча ушла куда-то.

Новеньких Петер нашел в канцелярии. Прелесть что за новенькие: бледные, коротко стриженные, курносые, угловатые, в коротеньких солдатских мундирчиках шестого срока носки с наспех нашитыми жесткими погонами с парадными золотыми офицерскими коронами. Петер разыскал Менандра — тот, кот помойный, сговаривался с поварихой — и погнал его за новой формой для пацанья. Переодетые, они преобразились, и Петер стал улавливать кой-какие отличительные признаки: один чуть покрупнее, медлительнее, глаза голубые — лейтенант Армант; другой тоньше в талии, гибкий и быстрый, глаза темные, лицо и руки нервные — лейтенант Шанур. Петер поставил их перед собой и толкнул речь.

— Значит, так, — сказал он. — Вы поступили в мое распоряжение, и теперь я что захочу, то с вами и сделаю. Это ваше счастье. Я — майор Петер Милле, по должности — режиссер-оператор, по сути — та ось, вокруг которой вертится все это заведение. Послезавтра мы с вами отбываем куда-то к черту на рога снимать то, не знаю что. Поэтому сегодня и завтра будете упражняться с аппаратурой. По службе я для вас «господин майор», вне службы и по вопросам ремесла — Петер. Сейчас пойдете к майору Камерону, он вас экипирует, в смысле — выдаст аппаратуру и пленку. Тренируйтесь. Я буду проверять. Можете идти.

Новоиспеченные хроникеры вразнобой повернулись и вышли.

— Менандр! — позвал Петер.

— М-м?

— Найди мне какие-нибудь ботинки и пары три носков.

— Опять пропить изволили?

— Только подошву, верх решил оставить.

— Беда мне с вами, господин майор, как огнем на вас все горит... Знаете, я тут одного интенданта раздоить хочу, у него несколько пар есть — видели, такие высокие, на крючках — итальянские? Но нужен шнапс. А ботиночки что надо, главное — крепкие, нашим не чета.

— Бутылки две ему хватит?

— Бог с вами, одной за глаза будет. Шнапс — это же не для обмена, это же для смазки. Я вам тогда пока старые дам, разношенные, а завтра к вечеру принесу те. Хорошо?

— Конечно.

— Но все равно не пойму, как вы умудряетесь так обувку уродовать? Господин полковник за все время одну только пару износил, сейчас вторую изволит...

— Вот потому, Менандр, все и стремятся зарабатывать побольше корон — чем больше корон, тем меньше забот об обуви.

— Ваша правда, господин майор, но все-таки как вы — ну никто так больше не может...

Менандр был пройдоха из пройдох — такой пройдоха, что Петер его даже побаивался... ну не то чтобы побаивался, а так — стеснение испытывал. Скажем, прямые обмены Менандр презирал как нечто примитивно-низменное, все комбинации его были многоходовыми и чрезвычайно сложными; пару раз он пытался растолковать Петеру смысл той или иной сделки, и Петер приходил в состояние полнейшего обалдения перед хитросплетениями ходов и выгод, с точки зрения Менандра, совершенно простыми. Полезен же Менандр был чрезвычайно, так как мог все. Среди офицеров поначалу возникла мода заключать пари на Менандра, выдумывая самые невероятные предметы, якобы необходимые для редакции, но мода эта быстро прошла, исчерпав все ресурсы фантазии. Кажется, последним, что Менандр достал (в результате этого коллекция коньяков Летучего Хрена перешла в собственность Камерона), был не заполненный, но подписанный и испещренный печатями пропуск на территорию Императорского дворца.

— Петер! — раздалось над ухом, и, конечно, кулаком по хребту, и за плечи потрясли, и опять кулаком, уже под ребра — ну конечно, это был Хильман, кто же еще? — Петер, старина, сколько лет, сколько зим!

Хильман, откуда-то вылетевший чертиком, чтобы, ошарашив своим появлением, сгинуть, — такая уж у него была натура. Когда-то они с Петером три дня болтались в море на сторожевике, Петер ничего снять не смог, а Хильман сделал замечательный очерк, Петер потом прочел его и посмеялся про себя: в очерке было все, кроме того, что было на самом деле. Там-то, на сторожевике, Хильман и ошеломил Петера замечательной фразой о друзьях, а именно: «У меня этих друзей, — сказал он, — ну тысячи три, не меньше». — «А я?» — спросил тогда Петер. «И ты, конечно», — сказал Хильман. «Понятно», — сказал Петер; ему на самом деле все стало понятно. «Ты что, не веришь? — обиделся Хильман. — Да я для тебя все что угодно...» — «Спасибо, Хильман, — сказал Петер. — Верю». Хильмана звали Роем, но все почему-то называли его только по фамилии.

— Что ты здесь делаешь? — спросил Петер.

— Послали, — сказал Хильман. — Сказали, у вас тут что-то намечается. В смысле — отсюда поедете.

— И ты с нами? — спросил Петер.

— Ага. Ты чем-то расстроен?

— Не знаю, — сказал Петер. — Нет, наверное. Просто устал. Вчера... пардон — позавчера вернулся, хотел поработать здесь... Опять без меня монтируют. Ты бы дал кому-нибудь свои блокноты, чтобы они там все по-своему переставляли?

— А никто не просит, — сказал Хильман. — Хорошо попросили бы если — может, и дал бы.

— А меня вот гложет... Да нет, просто устал.

— Когда ехать-то?

— Не знаю. Приедет какой-то шишковатый из министерства, скажет.

— Мне намекнули, — сказал Хильман, — что все это не на одну неделю и куда-то в тыл. Представляешь?

— В ты-ыл? — недоверчиво протянул Петер. — Что-то ты путаешь, старик.

— Ничего я не путаю. Что я, нашего главного не знаю? Он когда губу вот так делает — то на передовую. А если вот так — то или флот, или тыл. Проверено.

— Твои бы слова — да богу в уши, — сказал Петер.

Он не знал, почему это невозможно, но это было действительно невозможно — войти к Летучему Хрену и сказать: «Знаешь, я страшно устал. Мне надо отдохнуть, потому что, если я не отдохну, я сломаюсь по-настоящему. Я очень устал». Странно, конечно, но он точно знал, что это невозможно, хотя никто и никогда не пытался этого сделать. Небеса бы обрушились, если бы кто-то попытался сказать это Летучему Хрену. Молния бы сорвалась с ясного неба...

— ...вечером, — сказал Хильман, это он приглашал на коньяк, и Петер кивнул: «Хорошо», но вспомнил Брунгильду и добавил: «Посмотрим». Хильман опять легко обиделся и легко распростился с обидой. «Да приду я, приду», — успокоил его Петер, и по своему чертикову обыкновению, Хильман пропал мгновенно — только пыль взметнулась над тропой, только стук копыт отдался эхом...

Новенькие занимались с аппаратурой, и Камерон, который маячил тут же, исподтишка показал Петеру большой палец.

Петер лег, не разуваясь, задрал ноги на спинку кровати. Неизвестно еще, какими окажутся обещанные итальянские ботинки, а эти надо оставить себе: мягкие, легкие, нигде не давят, не трут и не хлябают... Он задремал и проснулся от голосов.

— Потому что это дрянь, дрянь, дрянь! — шепотом кричал один из новичков. — Потому что мне страшно подумать, что будет, если мы победим!

— А что будет? — говорил второй. — Ничего нового не будет. Зато наверняка объявят амнистию, и все твои драгоценные...

— Да разве в этом дело! Ты вдумайся: победит система, для которой главным в человеке является что? Ум? Совесть? Деловитость, может быть? Нет. Тупость, исполнительность и форма черепа. Все. Представляешь, что из этого получится лет через пятьдесят? Это же конец, конец...

— Тихо ты, услышат.

— Боишься? А представляешь целое поколение, которое всего боится? Прелесть, а? А ведь они этого добиваются — и добьются. Каждый не от слов своих, не от дел — от мыслей вздрагивать будет! Не дай бог догадается кто! Хочешь такого?

— Перестань, правда. Ну что — тебе ответ нужен? Так я не знаю ответа...

«Ай да ребятки мне достались, — подумал Петер. — Это что же с молодежью-то делается? А, Петер?»

Он встал, пошумел немного, чтобы не подумали чего, и вышел к ним, потягиваясь.

— Вольно, мужики, — сказал он, предупреждая их позыв бросить камеры и встать. — Начинаем зачет. Итак, на время: зарядить камеры!

Мужики чуть суетились, но справились с этим делом вполне прилично.

— Теперь пошли на натуру.

Петер увел их в развалины неподалеку и заставил снимать друг друга, непрерывно перебегая и заботясь при этом о собственной безопасности. Чтобы создать кой-какие иллюзии, он щедрой рукой разбрасывал взрыв-пакеты и два раза пальнул шумовыми ракетами — есть такие, с сиреной; вторая из этих ракет заметалась рикошетами по двору и произвела впечатление на него самого. Потом, придерживая за пояса, чтобы не разбегались и не попадали, он отвел ребят в лабораторию. Пленку проявили мигом, девочки-лаборантки были на высоте; тут же зарядили проектор и стали смотреть, что получилось. На экране что-то возникало и металось, обычно не в фокусе, три-четыре раза появлялся и пропадал человек

с камерой в руках, невозможно было понять, кто именно, мелькали тени, дымки разрывов, стены, небо, упорно вновь и вновь появлялась в кадре торчащая из груды щебня балка с кроватной сеткой наверху... Вторая пленка была не лучше, только один кадр годился — это когда оператор снимал его самого с ракетницей в руках в момент выстрела: черненький дьявол, разбрасывая огонь и дым, рванулся прямо в объектив... Петер несколько раз прокрутил это место. Дальше шла прежняя неразбериха, но это было хорошо.

— Это хорошо, — сказал он. — Рука не дрогнула.

— Не успел испугаться, — сказал темноглазый — Шанур.

— Это хорошо, — повторил Петер. — Рука должна быть твердой. Даже если снимаешь собственный расстрел.

Он гонял их по этому полигону еще трижды. Лучше не становилось, но это от усталости, к концу дня оба ног не переставляли, зато завтра, когда отоспятся, уже не будут вздрагивать и торопиться...

Брунгильда как сквозь землю провалилась, он так и не нашел ее, и с оставшейся бутылкой шнапса Петер заявился в гости. Хильман поселился у Бури, инженера-оптика; Бури занимал длинную, как вагон, комнату в полуподвале, свободное место у него было всегда, и постояльцам он был рад.

Посидели, выпили и шнапс, и коньяк, поговорили. Впрочем, говорили главным образом Бури и Хильман, Петеру все больше молчалось. Хильман красочно и с массой подробностей рассказывал, как ходил в смертный десант на Жопу Адмирала; Петер хорошо помнил этот северный архипелаг из двух близлежащих островов, получивших такое прозвище за округлость, мягкую покатость и обширность. Прозвище настолько прикилось, что даже в официальных документах после названия аббревиатурно пояснялось, что же конкретно имеется в виду. В позапрошлом году Петер сам ходил туда в десант. Три дня морская пехота и кавалергарды выбивали из окопов маленький гарнизон; низкая облачность и дожди не давали действовать авиации. На четвертый день прояснилось, и над островами повисла целая авиадивизия. Вечером, когда там сгорело все, что могло гореть, кавалергарды пошли вперед. По ним не было сделано ни единого выстрела: бомбардировщики смешали с землей всех. «Потом, выходит, архипелаг снова сдали, — подумал Петер без особой грусти. — Сдали, опять взяли... Перепихалочки и потягушки — и вся война. Плевать».

Голоса, кажется, звучали громче, но Петера почему-то не проняло, ему стало скучно, и он пошел опять искать Брунгильду и опять не нашел. В его

отсутствие Хильман и Бури заспорили о чем-то, дело дошло до взаимных оскорблений, и решили стреляться — здесь же, в подвале, с пятнадцати шагов, три выстрела, беглым огнем. Отметим барьеры, отошли, стали сходитьсь. Хильман начал стрелять первым, выстрелил сразу все патроны и все три раза промахнулся. Бури промахнулся дважды. Поняв, что надедал — пуля попала журналисту в лоб, он умер мгновенно, — Бури сбежал. Его поймали через месяц и по приговору полевого суда повесили за дезертирство. Если бы он не убежал, максимум, что грозило бы ему, — это передовая или три года лагерей.

— Итак, господа офицеры, вы поступаете под команду человека штатского, так сказать, шпака... да; тем не менее господин министр счел возможным сделать такое, хотя это и не в традициях нашей доблестной армии. Позвольте представиться: Гуннар Мархель, первый советник министра. Мы с вами отправляемся в то место, откуда начнется наше победоносное шествие, наш марш в историю, наше, с позволения сказать, вознесение над всеми нынешними трудностями и неудачами. Экспедиция наша продлится около двух месяцев, и за это время мы станем свидетелями и участниками величайшего торжества нашего военно-инженерного гения, свидетелями и летописцами великого свершения наших доблестных войск — творцов и носителей нашей грядущей и неминуемой победы. Эта неминуемость нашей победы, думаю, сыграла свою роль, отрицательную, подчеркиваю, роль в деле торжества наших идеалов и нашего оружия, потому что вызвала расслабленность и заторможенность у некоторых наших молодых солдат и офицеров, уверовавших в то, что победа, раз она неминуема, придет все равно — независимо от того, как ты воюешь. Нет, господа! Победа сама не придет! Победу надо добывать потом своим и кровью своей, ибо потоки пота и крови под ее фундамент — необходимое условие ее неминуемости! Его Императорское Величество просил лично передать вам, что всегда и во все времена герои на плечах своих поднимали и удерживали здание победы, и не стоит верить своим глазам, если вы, ослепленные красотой этого здания, не видите, на чьих плечах оно держится. Но Его Величество никогда не забывает этого, вот потому-то и встречают с таким подъемом на фронте и в тылу бессмертные речи Императора, как всегда, посвященные бессмертным подвигам наших героев, достойных наследников ратной славы великих предков, сокрушивших Древний Рим, Вавилон, Византию, Сирию и Египет! Тех, кто пронес сквозь века и страны чистоту и беспредельную преданность идеалам гиперборейским, воплощенным издревле в великих атлантах: